

КАФЕДРА РУССКОЙ ИСТОРИИ (XIX – XXI ВВ.)
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А.И. ГЕРЦЕНА

**ВСЕРОССИЙСКАЯ
НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ**

**РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В РОССИИ:
НОВЫЕ ПОДХОДЫ И ВЗГЛЯДЫ**

Программа

Санкт-Петербург

22, 23 ноября 2024 г.

23 ноября 2024 г.

Секция № 2 (11.00 – 15.00) (дистанционный формат)

Руководители: Николаев А.Б., Калашников В.В.

1. **Чирков В.В.**, магистрант III к. кафедры русской истории (XIX – XXI вв.) РГПУ им. А. И. Герцена – *Участие рабочих Выборгского района в Февральской революции 1917 года.*
2. **Дозоров А.Н.**, магистрант I к. кафедры русской истории (XIX – XXI вв.) РГПУ им. А. И. Герцена, учитель истории и обществознания ЧОУ СОШ «Гимназия «Северная Венеция» – *Унтер-офицер запасного батальона л.-гв. Преображенского полка Ф.М. Круглов: вопрос о роли предводителя восстания в Преображенском полку 27 февраля 1917 г.*
3. **Руднева С.Е.**, д.и.н., профессор кафедры истории РУТ (МИИТ) (Москва) – *Конференция представителей промышленности и торговли в июне 1917 года.*
4. **Бирюкова Ю.С.**, магистрант I к. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва) – *Документы А.В. Тырковой-Вильямс как источник изучения повседневности кадетской партии в период революционных событий 1917 г.*
5. **Калашников В.В.**, д.и.н., профессор кафедры истории культуры, государства и права СПбГЭТУ «ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина) – *Новейшая историография Февральской революции.*
6. **Голдин В.И.**, д.и.н., профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии, директор центра исторических и политических исследований Севера и Арктики САФУ им. М. В. Ломоносова (Архангельск) – *О научных дискуссиях и ненаучной полемике вокруг Великой российской революции.*
7. **Ганин А.В.**, д.и.н., вед.н.с. Института славяноведения РАН (Москва) – *Неизвестные записки генерала П.С. Махрова о событиях 1917 г.*

Новейшая историография Февральской революции: два тренда¹

Моя задача – дать анализ новейшей историографии Февральской революции. В отведенное время успею рассказать о работах двух авторитетных историков, которые, на мой взгляд, отражают два принципиально разных тренда в трактовке причин и сути этой революции. Герои доклада – петербургский историк Рафаил Шоломович Ганелин и московский историк Владимир Прохорович Булдаков.

О позиции Р. Ш. Ганелина

Член-корреспондент РАН Р. Ш. Ганелин, главный научный сотрудник СПб ИИ РАН, умер осенью 2014 г. Прошло десять лет, но его работы остаются непревзойденными по ряду аспектов истории Февраля. Выделим два из них.

«**Кризис самодержавия**». Наиболее важным вкладом Р. Ш. Ганелина является разработка концепции «*кризиса самодержавия*». Кризис представлен как многоплановый процесс, в котором переплетались объективные и субъективные предпосылки и причины Февральской революции. Концепция «кризиса самодержавия» просматривалась уже в первом томе знаменитого двухтомника по истории революции 1917 года, изданного в 1967 году учеными так называемой «ленинградской школы». Глава по истории Февраля принадлежала перу Р. Ш. Ганелина². В полной мере концепция разработана в коллективной монографии «Кризис самодержавия в России. 1895–1917», опубликованной сотрудниками Ленинградского отделения Института истории СССР (ЛОИИ СССР) АН СССР в 1984 году. Там показана роль кризиса самодержавия как одной из важнейших причин революции и, в свою очередь, раскрыт ход и характер этого кризиса на фоне полувековой истории пореформенной России. Суть позиции авторов выражена формулой: «Общей причиной кризиса самодержавия во второй половине XIX – начале XX вв. была *несостоятельность* его попыток приспособиться к развивающимся капиталистическим отношениям, *не меняя своей природы*»³. Эта концепция стала своего рода «визитной карточкой» ученых ЛОИИ в трактовке истории Февраля.

В 1990 г. концепция была представлена в совместном докладе Р. Ш. Ганелина и Б. В. Ананьича на международном colloquium ведущих историков Русской революции, проведенном в Ленинграде. Главными причинами Февральской революции авторы в начале доклада называли «*неспособность и нежелание* правительства идти по пути *последовательного реформаторства*», а завершили свой доклад более емкой формулой: «Кризис власти в России, достигший в начале XX в. своего апогея, привел к падению царского режима; его неспособность возглавить и последовательно проводить реформы, необходимые для успешного экономического и социального развития страны, – главная причина этого кризиса»⁴. Формула делала еще более резкий акцент на *кризис*

¹ Конспект доклада, сделанного на конференции «Революция 1917 года в России» (РГПУ 23 ноября 2024 г.).

² Февральская буржуазно-демократическая революция в Петрограде // Октябрьское вооружённое восстание. Семнадцатый год в Петрограде. В двух книгах. Кн. 1 Л., 1967.

³ Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 649.

⁴ Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Кризис власти в России. Реформы и революционный процесс. 1905 и 1917 // Реформы или революция? Россия 1861 – 1917. СПб., 1992. С. 7.

власти как *причину* революции и связывала этот кризис с действиями правительства, т.е. с субъективным фактором, не отрицая и объективных. При этом в самом докладе речь шла о том, что в революции больше всего виноват последний монарх, который был проникнут «феодалным мышлением». Такой вывод в наиболее резкой форме сформулировал московский историк К.Ф. Шацилло: «страна была *загнана* последним императором в революцию. ... Отказавшись от проведения реформы, царизм не оставлял для народов России иного выхода, кроме революции»⁵. Иными словами, он подчеркнул закономерность демократической революции как ответа на политику Николая II. Все участники коллоквиума (зарубежные и отечественные) поддерживали концепцию «кризиса самодержавия», что превращало ее в признанный итог развития *мировой* историографии Февральской революции к 1991 году.

Дальше в мировой историографии произошел резкий консервативный поворот. В отечественной историографии его суть применительно к истории Февраля ярче всего выразили труды петербургского историка Б. Н. Миронова, бывшего сотрудника ЛОИИ, который после 1991 г. резко разошелся со своими коллегами и стал доказывать тезис об успешности действий самодержавной власти в предвоенной России. В трехтомнике «Российская империя: от традиции к модерну» Миронов писал: «Я ... оцениваю развитие страны в этот период *во всех отношениях успешным*, политику правительства – прагматичной, достижения страны – весьма значительными»⁶. Вот еще одна его оценка: «Правительственная политика ... по целям и средствам приближалась к *оптимальной*»⁷. Б. И. Ананьич и Р. Ш. Ганелин критиковали позицию Б. Н. Миронова, видели в ней повторение позиции эмигрантского историка Г. М. Каткова, характерной для эпохи «холодной войны»⁸. Иными словами в постсоветский период они остались верны своей концепции.

Среди работ *постсоветского* периода наиболее важной стала коллективная монография ученых СПб. филиала ИРИ РАН (бывшего ЛОИИ)⁹ «Власть и реформы. От самодержавной к советской России», изданная под редакцией Б. В. Ананьича, Г. Ш. Ганелина и В. М. Панеяха. Она вышла в 1996 году и отличалась от коллективной монографии 1984 г. тем, что главный фокус был направлен на анализ реформ, которые трактовались как нереализованная альтернатива революции. Но в итоге был обоснован прежний тезис, так сформулированный Б. В. Ананьичем: «реформаторство начала XX в. носило ограниченный характер и оказалось *неспособным* остановить революционный процесс»¹⁰. Работа была переиздана в 2006 г. и стала классикой в трактовке причин Февральской революции.

Февральские дни: реконструкция. Помимо обоснования концепции «кризиса самодержавия» важным вкладом Р. Ш. Ганелина является

⁵ Реформы или революция? Россия 1861-1917. С. 269.

⁶ Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. С. 12.

⁷ Миронов Б. Н. Страсти по революции. М.: «Весь Мир». 2013. С. 65.

⁸ Первая мировая война и конец Российской империи. Т. I: Февральская революция. СПб.: Лики России, 2014. С. 35–37.

⁹ В 1992 г. ЛОИИ был преобразован в Санкт-Петербургский филиал ИРИ РАН., а в 2000 г. институт получил самостоятельность и в 2002 был переименован в СПб. Институт истории РАН.

¹⁰ Власть и реформы. От самодержавной к советской России. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. С. 3, 6.

реконструкция истории первых дней Февральской революции, которая доказывает *стихийный* характер ее начальной фазы. Уже в 1967 г. в первом томе упомянутого двухтомника он писал: «В начавшемся движении, вызванном переплетением разных причин, элемент стихийности был выражен *весьма ярко*. ... никто в сущности не отдавал себе отчета в том, что на пороге — революция»¹¹. В то время это был смелый тезис, ибо он закрывал возможность представить большевиков организаторами и руководителями Февральской революции.

На упомянутом коллоквиуме 1990 г. Ганелин новаторски показал закономерность Февраля, подчеркнув «*самопроизвольный*» характер ее начальной фазы: она, писал историк, «не была вызвана ни заговором масонов, и ни решением ЦК партии большевиков», а представляла собой процесс, «произошедший в значительной степени *самопроизвольно*»: старая власть рухнула в одночасье под натиском стихийного выступления рабочих и солдат в столице, и в империи не нашлось сил, готовых ее защищать¹². Важно подчеркнуть, что стихийное выступление рабочих и солдат Петрограда Р. Ш. Ганелин никогда не трактовал как «русский бунт», «бессмысленный и беспощадный». Как и большинство ведущих мировых специалистов по истории Февральской революции, он видел в ней естественную реакцию народа на неспособность верховной власти решить назревшие проблемы. При этом историк подчеркивал готовность самодержца накануне и в ходе начавшейся революции силовыми методами подавить стихийный протест низов. Весьма скептически Р. Ш. Ганелин относился и к версиям о «заговорах»: как монархистов (сепаратный мир), так и либералов (дворцовый переворот). Он считал их весьма «неопределенными планами»¹³. Эта трактовка лежит в основе глав, написанных историком в книге «Февральская революция», опубликованной в 2013 г. как третий том трехтомника «Первая мировая война и конец Российской империи» в рамках проекта «Россия в первой мировой войне»¹⁴.

Суммируя сказанное, суть первого тренда можно определить двумя позициями: 1) трактовка причин и истории Февраля с акцентом на *ответственность верхов*, не сумевших остановить революцию назревшими реформами; 2) трактовка действий низов как в целом рационального ответа на политику верхов: низы защищали свои законные интересы и использовали революцию для решения как *старых давно назревших* проблем, так и *новых*, созданных мировой войной.

Отметим, что помимо Ганелина эти позиции защищали академик Б. В. Ананьич и большинство сотрудников ЛОИИ – СПб ИИ РАН, изучавших историю конца XIX – начала XX веков. В Москве их защищала группа историков во главе с В. В. Шелохаевым, что отразил третий том четырехтомного академического издания «Реформы в России», опубликованный в 2016 году¹⁵. Такие взгляды

¹¹ Февральская буржуазно-демократическая революция в Петрограде // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Т. 1. С. 12.

¹² Реформы или революция? Россия 1861 – 1917. СПб., 1992. С. 290.

¹³ Ганелин Р. Ш. В России двадцатого века. Статьи разных лет. М.: Новый хронограф, 2012. С. 400.

¹⁴ Первая мировая война и конец Российской империи. Т. I: Февральская революция. СПб.: Лики России, 2014.

¹⁵ Реформы в России. С древнейших времен до конца XX в.: В 4 т. / Т. 3. Вторая половина XIX – начало XX в. М.: Политическая энциклопедия, 2016.

доминировали и в мировой историографии, по крайней мере до консервативного поворота, который произошел после 1991 года.

О позиции В. П. Булдакова

«Красная смута». Первому тренду в историографии Февраля и Русской революции в целом противостоит другой, создателем и пропагандистом которого является московский историк Владимир Прохорович Булдаков, главный научный сотрудник ИРИ РАН. Суть второго тренда – трактовка истории Русской революции с акцентом на *иррациональный* характер развития событий, которые определялись *психопатологическими* настроениями масс. События революции историк трактует как традиционный русский бунт, «характерное ... соединение провокации и анархии, утопии и психоза»¹⁶. Отметим, что оценка Русской революции как «русского бунта» не являлась оригинальной, поскольку она не раз озвучивалась современниками, особенно в монархических кругах. Однако профессиональные историки никогда не делали ее основой для трактовки истории революции, не отрицая наличия разного рода эксцессов в ее ходе.

В постсоветской историографии процесс превращения идеи иррационального бунта в основную концепцию начал именно В. П. Булдаков в книге «Красная смута» и ряде выступлений второй половины 1990-х годов. Вопреки своим прежним взглядам историк превращает революцию в "смуту", в "буйство коллективного бессознательного", в "погромную реакцию того, кому нечего стало терять"¹⁷. Затем последовал ряд работ, в которых В. П. Булдаков развивал разные аспекты этой концепции, выражая их в самих названиях: «Хаос и этнос», «Утопия, агрессия и власть», «Революция и погром» и др.

Признаю право любого историка иметь и защищать свою точку зрения, и с этих позиций всегда спокойно реагировал на персональные труды В. П. Булдакова. Однако, не могу принять ситуацию, когда концепция «красной смуты» доминирует в *коллективных монографических* трудах, изданных под грифом ИРИ РАН. В этой связи я несколько раз выступил с критикой коллективной монографии «Российская революция 1917 года: власть, общество, культура», изданной в юбилейном 2017 году. Там концепция «красной смуты» получила, я бы сказал, неосторожную поддержку со стороны ответственного редактора уважаемого Юрия Александровича Петрова, директора ИРИ РАН. В частности, в своем «Введении» Ю. А. Петров поддержал тезис о «вооруженной охлократии», которая якобы доминировала в России после Октября всю первую половину 1918 г. Я привел аргументы, которые показывали несостоятельность концепции «красной смуты», и выразил надежду на то, что она не будет доминировать в XI томе двадцатитомной «Истории России», который тогда готовился к печати. Предложил обсудить макет XI тома в кругу специалистов. Указал на тот негативный отклик, который может получить в кругах широкой общественности уже сам факт трактовки Русской революции как «смуты» и «бессмысленного

¹⁶ Российская революция 1917 года: власть, общество, культура в 2 т. Т. 2. М., 2017. С. 24, 25.

¹⁷ См.: Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М. 1997. С. 284, 350; Его же. Октябрь и XX в.: теории и источники // 1917 год в истории России и мира. Часть 2. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М. 1998. С. 23–24.

бунта» от имени ИРИ РАН¹⁸. Публично пригласил к дискуссии¹⁹. Однако мои предложения приняты не были.

Проблема XI тома. Недавно вышедший XI том, посвященный истории России в эпоху мировой войны и революции, основан именно на концепции «красной смуты», поскольку ключевые разделы написаны В. П. Булдаковым, единоличным ответственным редактором этого тома.

Прежде чем высказать свои замечания по XI тому, скажу пару слов о заявленных целях проекта создания двадцатитомной академической «Истории России». По замыслу заказчика, т.е. российского государства, это издание призвано представить самые авторитетные и хорошо аргументированные трактовки ключевых этапов Российской истории. По словам Ю. А. Петрова, сказанным на презентации издания, оно станет *«фундаментальной базой для научных исследований»* и *«будет неким “камертоном” при подготовке учебных пособий для средней школы и вузов»*. Те немногие тома, которые уже вышли, в основном отвечают этому замыслу. Серьезным и интересным мне показался 2-й том, посвященный Древней Руси. То же можно сказать и о первой книге V тома, которая охватывает первую половину XVII века. С удовлетворением отметил, что авторы книги трактуют эпоху «Смуты» не как «бессмысленный бунт», а как гражданскую войну, обусловленную широким спектром вполне понятных и весомых причин (от династического кризиса до голода, вызванного тремя неурожайными годами). Вышла в свет и 2-я книга XII тома, который посвящен Гражданской войне в России начала XX века. Вот-вот должна появиться первая книга. Не буду давать оценку XII тому, поскольку являюсь его рецензентом и несу определенную ответственность за содержание. Оговорю, что не все мои замечания были учтены, но в главных аспектах данные в томе трактовки отражают авторитетные научные позиции.

С XI томом все обстоит по-другому. Он содержит версию, которая противоречит основному тренду, сформировавшемуся в мировой историографии, и которая *не доказана* серьезными аргументами. Суть версии: революцию сделал *охлос*. Иными словами, концепция «красной смуты» приняла еще более жесткую форму и превратилась в концепцию «бунта *охлоса*».

Вот характерные цитаты из 2-й книги XI тома, посвященного революции:

С. 189: «...крестьяне были далеки от каких бы то ни было рациональных идейно-политических установок»;

С. 125: «Хам предстал синонимом воцарившегося *охлоса*»;

С. 426: «на фоне российского *охлоса* даже радикальные в прошлом фигуры просто терялись»;

С. 428: «Ошибались все те, кто недооценивал живучесть вирусов российской *смуты* и пребывал в убеждении, что *охлос* XX века представляет собой некую новую, более высокую цивилизационную ступень»²⁰.

¹⁸ Калашников В. В. Новейшая историография Русской революции // Россия в эпоху революции и Гражданской войны: советская и постсоветская историография: СПб., 2023. С. 130, 140, 163.

¹⁹ См. видеозапись моего доклада, сделанного 23 марта 2024 г. в ходе семинара, проведенного в СПб. ИИ РАН: <https://www.youtube.com/watch?v=Avp7pgwZzLY&t=2s>

²⁰ История России: в 20 т. Т. 11: Империя, война, революция. Россия, 1914–1917 годы. Кн. 2. От развала империи к Гражданской войне / ИРИ РАН. М.: Наука, 2024.

С тем, чтобы показать несоответствие концепции «бунта охлоса» основному тренду мировой историографии, сошлюсь на позицию и аргументы британского историка Теодора Шанина, признанного мирового авторитета в аграрной истории, который прямо назвал концепцию «бунта» мифом уже применительно к истории Первой русской революции, отмеченной более страшной волной погромов помещичьих имений, чем революция 1917 год. «В самом деле, – говорил Шанин, – это довольно странный бунт, странная, как тогда говорили, пугачевщина, когда имения выжигаются по решению села, часто по решению мирского собрания, когда это делается в большинстве случаев необыкновенно организованно и без человеческих жертв. Часто открывают амбары и делят хлеб в точности по количеству душ. Высокая организация крестьянского движения этого периода, на мой взгляд, доказывает то, что сама мысль о крестьянском «бунте» принципиально неправильна»²¹. Укажу и на то, что в третьем томе весьма авторитетной на Западе «Кэмбриджской истории России», изданном в 2006 г., Русская революции трактуется исключительно в рациональной парадигме. В главе, специально ей посвященной, акцент сделан на «необычно высокий уровень классовой сознательности рабочих»²². Напомню и о том, что упомянутые выше две крупнейшие работы постсоветского периода, изданные соответственно под редакцией академика Б. В. Ананьича и В. В. Шелохаева, не рассматривали события эпохи трех русских революций в контексте пушкинской формулы «русского бунта»: «бессмысленного и беспощадного».

Не буду политизировать ситуацию и ставить вопрос об оскорбительном характере самих терминов «бунт», «охлос», «смута», применяемых по отношению к борьбе русского народа за свое социальное освобождение. Ограничусь чисто академической полемикой. Учитывая регламент, кратко обозначу лишь некоторые свои претензии к редактору XI тома. В статье для сборника расширю их число.

Первая претензия связана с трактовкой причин и природы первой мировой войны. Думаю, все согласны с тем, что трактовка причин мировой войны во многом определяет трактовку причин Февраля и всей Русской революции в целом. И здесь мы сталкиваемся с удивительной позицией. В. П. Булдаков считает главной причиной мировой войны «бессознательную агрессивность» масс, которая якобы и толкнула политиков всей Европы на мировую бойню. Вот цитата на эту тему: «...В XX веке к роковой черте правителей *стали подталкивать сами массы*, точнее та социально неудовлетворенная их часть, которая связывала ...победу над внешним врагом с разрешением своих внутренних проблем». И далее: «информационная революция в условиях интенсивного классовообразования привела к тому, что в Европе массы стали *психологически «управлять» правительствами*, а не наоборот»²³.

Доказательств у этого тезиса нет. Иными словами, авторы тома, изданного под эгидой ИРИ РАН, предлагают читателю на слово поверить в то, что русский рабочий или русский крестьянин, или какая-либо существенная часть этих

²¹ Реформы или революция? Россия 1861 – 1917. СПб., 1992. С. 305.

²² The Cambridge History of Russia. Volume 3, The Twentieth Century. Cambridge University Press, New York, 2006. P. 120–121.

²³ История России: в 20 т. Т. 11: Империя, война, революция. Россия, 1914–1917 годы. Кн. 1. От войны к краху империи / ИРИ РАН. М.: Наука, 2024. С. 6.

классов толкали царя на мировую войну и связывали с ней решение своих внутренних проблем. Вы готовы в это поверить? Я – нет.

Нет доказательств и того, что рабочие и крестьяне других стран Европы толкали правителей на войну с соседями. Хорошо доказано иное: шовинистические настроения в Европе создавались идеологическими институтами по команде *сверху*. В мировой историографии уже 100 лет доминирует тезис о том, что ответственность за первую мировую войну несут правители, а не народы.

На мой взгляд, В. П. Булдаков своей концепцией искажает причины и природу мировой войны, а, следовательно, причины и природу как Февральской, так и Русской революции в целом. В этой связи у меня возник вопрос: а как состыкована предложенная Булдаковым трактовка причин мировой войны и революции 1917 года с трактовкой этих событий в томах, примыкающих к XI тому? Если говорить о XII томе, то я вижу принципиальное расхождение. Но X том, посвященный предвоенной эпохе, пока недоступен для читателя, и неясно, готовы ли его авторы трактовать первую русскую революцию, а также причины первой мировой войны с акцентом на тезис о «бунте охлоса», который якобы толкнул царя на эту войну. Поскольку ответственным редактором X тома является В. В. Шелохаев, то я не думаю, что он мог резко пересмотреть свои прежние взгляды, изложенные в третьем томе четырехтомника «Реформы в России»²⁴. Иными словами, мы можем столкнуться с явно противоречащими друг другу трактовками эпохи трех революций, мировой войны и Гражданской войны авторами X, XI и XII томов. Полагаю, что это противоречит замыслу двадцатитомного проекта, который призван дать целостный взгляд на историю России.

Помимо чисто научных проблем, концепция В. П. Булдакова создает большие проблемы для преподавания истории в вузах и школах. Она полностью противоречит той концепции, которая лежит в основе новейшего учебника по истории России, направленного Минобрнауки во все вузы страны в сентябре этого года. В учебнике нет терминов «красная смута», «охлос», «охлократия», «патологические настроения масс», т.е. нет терминов, ключевых для концепции Булдакова. Причины мировой войны и Русской революции описаны в традиционной «рациональной» парадигме. В такой же парадигме написаны новые учебники истории *для школы*, изданные в 2023 году. В них также нет терминов, ключевых в трактовке В.П. Булдакова. Авторы учебников, известный историк В. Р. Мединский, академики А. В. Торкунов и А. О. Чубарьян, также трактуют причины мировой войны и Русской революции как результат обострения конфликтов, которые сложились в мире и в стране в довоенный период²⁵.

Вторая претензия состоит в том, что в главе, посвященной истории Февральской революции, нет последовательной **реконструкции** событий ключевых февральских дней. События одного дня, тесно связанные между собой,

²⁴ Реформы в России. С древнейших времен до конца XX в.: В 4 т. / Т. 3. Вторая половина XIX – начало XX в. М.: Политическая энциклопедия, 2016.

²⁵ В. Р. Мединский А.О. Чубарьян. Всеобщая история. 1914-1945. 10 класс. М. 2023; В. Р. Мединский, А.В. Торкунов. История России. 1914-1945 гг. 10 класс. М. 2023.

автор разбрасывает по разным сюжетам. И логика развития событий не просматривается. Помимо прочего, это позволяет автору умалчивать о тех событиях, о которых по каким-то причинам говорить он не хочет. Пример: полное молчание о том, что 25 февраля главнокомандующий особым Петроградским военным округом генерал С. С. Хабалов получил приказ царя немедленно подавить «беспорядки» в столице силой. Именно этот приказ привел к стрельбе в воскресный день 26 февраля, который стал вторым изданием «кровавого воскресенья» и непосредственной причиной восстания учебной команды Волынского полка. У автора этот сюжет звучит так: «После того, как 26 февраля 1917 г. солдаты получили приказ применять оружие, именно здесь было особенно много жертв среди демонстрантов»²⁶. Кто отдал приказ – не ясно. Не названо и количество убитых днем 26-го. В тексте в принципе смазана история попытки силового подавления революции со стороны царя. Одной строчкой упомянуто о посылке на Петроград батальона георгиевских кавалеров во главе с генералом Н. И. Ивановым, который был наделен диктаторскими полномочиями, и не сказано, как и почему эта акция провалилась. Двумя строчками упомянуто о посылке эшелонов с кавалерией и пулеметными командами с трех фронтов, но судьба этих эшелонов описана в трех словах: «они безнадежно запаздывали»²⁷. Однако описание истории провала попытки силового подавления дает важный ключ к пониманию всей истории революции. Вместо четкого изложения ключевых событий февральских дней авторы тома посвящают десятки страниц изложению того, что думали разные современники по их поводу. И поскольку они все думали по-разному, постольку читателю трудно понять, кто из них прав, и что же происходило на самом деле.

3. Третья претензия состоит в том, что в книге нет четко изложенной общей концепции Февральской революции с указанием ее причин и с определением ее социального и политического характера. Позиция автора «размазана» по разным разделам и с трудом просматривается скорее в его критике других авторов, а не форме позитивного изложения своей точки зрения. Отсутствие общей концепции – типичная проблема для новейшей историографии, которая демонстрирует ее глубокий кризис: отказавшись от советской трактовки событий, постсоветские авторы не могут предложить другую столь же авторитетную.

Четвертая претензия. К моему глубокому сожалению, Владимир Прохорович дает очень много неточных, небрежных, неуважительных оценок трудам других историков. По отношению к работам советских историков его оценки порой просто оскорбительны, но и современным историкам достается. Приведу только один пример – реплику в адрес организатора нашей конференции, проф. А. Б. Николаева. Булдаков пишет: «Некоторые исследователи полагают, что ВКГД и был *творцом* революции. Это более чем сомнительно»²⁸. Далее В.П. Булдаков дает ссылку: Николаев А. Б. Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года. Т. 2. С. 268. Но на странице 268 у А. Б. Николаева нет таких слов, нет и трактовки, которую можно было сформулировать таким образом. Николаев пишет

²⁶ История России: в 20 т. Т. 11. Книга 2. С. 69.

²⁷ Там же. С. 74.

²⁸ Там же. Книга 2. С. 84. ВКГД – Временный комитет членов Госдумы, созданный днем 27 февраля.

совершенно о другом: о том, что со второй половины дня 27 февраля Дума превратилась в «орган, *руководивший* революцией». Ни на одной странице своего двухтомника Николаев не называет Думу «*творцом* революции». Эта формула несовместима с его концепцией. Кстати В.П. Булдаков не представляет и не разбирает его концепцию, а А.Б. Николаев на сегодня – самый информированный автор, и его концепция вносит наиболее существенный вклад в историографию Февральской революции. Историографический очерк, написанный В. П. Булдаковым, серьезно компрометирует весь представленный XI том.

Пятая претензия. Ее можно определить, как упрек в *нескромности*. Автор говорит о том, что большинство российских и зарубежных историков при интерпретации истории войны и революции не понимают сути событий, поскольку не учитывают важность психопатологического фактора и игнорируют «область бессознательного». Иными словами, именно он понял то, что другие историки понять почему-то не смогли: «*Подавляющее большинство историков ... скользило по внешней поверхности событий, опасаясь заглянуть в глубины коллективного человеческого грехопадения*»²⁹. Если учесть полное отсутствие весомых аргументов в пользу концепции «красной смуты» или бунта «охлоса», то такие заявления выглядят по меньшей мере нескромными.

Вывод. По моему убеждению, нельзя принять XI том ни как «фундаментальную базу для научных исследований», ни как «камертон» для подготовки учебных пособий для вузов и школ. Считаю издание XI тома в таком виде *серьезной ошибкой* и рекомендую его *переиздать* с другим ответственным редактором во главе. Предлагаю в отношении истории Февральской революции руководствоваться не концепцией «бунта охлоса», а концепцией «кризиса самодержавия» – ведущей концепцией в мировой историографии.

Мои претензии к трактовке истории Октябрьской революции в XI томе будут изложены особо. Не могу не сказать и о том, что концепция «бунта охлоса», положенная в основу XI тома, порождает определенные опасения и в отношении последующих томов двадцатитомной «Истории России». Очень не хотелось бы получить серию томов, трактующих советскую историю как «охлос у власти». Келейность подготовки томов по истории советского периода не позволяет назвать такие опасения надуманными, а неизбежное повышенное внимание к их содержанию со стороны широкой общественности ставит авторов этих томов перед серьезным экзаменом.

²⁹ История России: в 20 т. Т. 11. Книга 1. С. 7.